

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. ОСТРОВСКАГО

ИЗДАНИЕ ДЕСЯТОЕ

ТОМЪ ВТОРОЙ

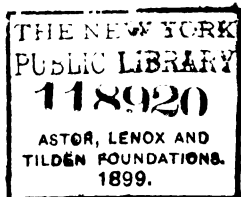

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИЖН. МАГ. В. ДУМНОВА, ПОДЪ ФИРМОЮ «НАСЛЕДНИКИ ВР. САЛАЕВЫХЪ».

1896.

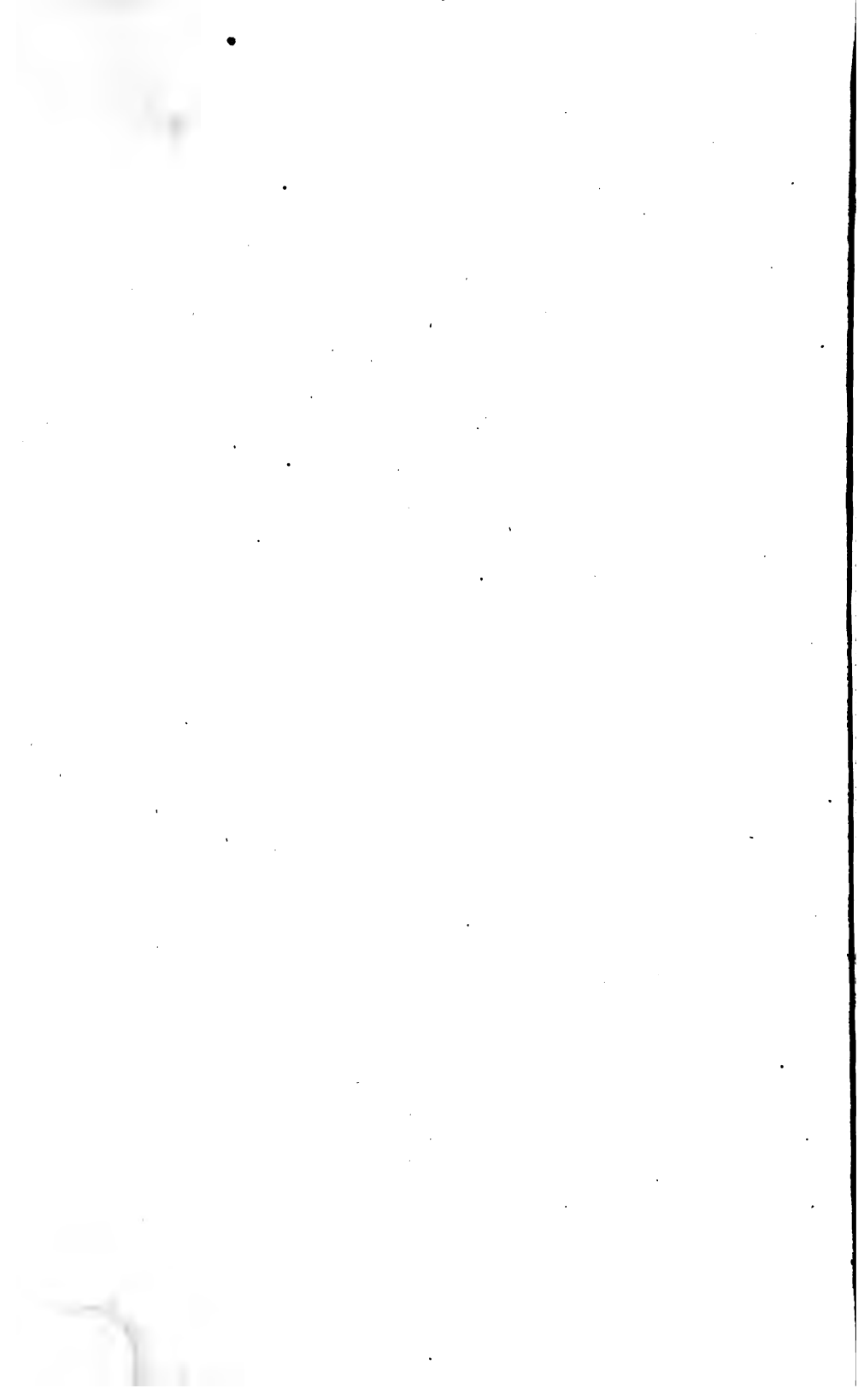

Типо-литографія О. И. Лашкевичъ и К^о, Тверская, д. Саввинскаго подв.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГОДЫ.	СТРАН.
1854. Бѣдность не пороѣ	1
1854. Не такъ живи, какъ хочется	67
1856. Въ чужомъ пиру похмелье	116
1856. Доходное мѣсто.	156
1857. Праздничный сонъ—до обѣда	252
1858. Не сошлись характерами	295

БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Л И Ц А:

Гордый Карпычъ Торцовъ, богатый купецъ.

Пелагея Егоровна, его жена.

Любовь Гордѣевна, ихъ дочь.

Любимъ Карпычъ Торцовъ, его братъ, промотавшійся.

Африканъ Саввичъ Коршуновъ, фабрикантъ.

Митя, приказчикъ Торцова.

Яша Гусминъ, племянникъ Торцова.

Гриша Разломляевъ, молодой купчикъ, сынъ богатаго отца.

Анна Ивановна, молодая вдова. —

Маша
Лиза | подруги Любви Гордѣевны.

Егорушка, мальчикъ, дальній родственникъ Торцова.

Арина, нянька Любви Гордѣевны.

Гости, гости, прислуга, ряженные и прочіе.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ купца Торцова, во время святокъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшая приказничья комната; на задней стѣнѣ дверь, налѣво въ углу кровать, направо шкафъ; на лѣвой стѣнѣ окно, подлѣ окна столъ, у стола стулъ, подлѣ правой стѣны конторка и деревянная табуретка; подлѣ кровати гитара; на столѣ и конторкѣ книги и бумаги.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Митя ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; Егорушка сидитъ на табуреткѣ и читаетъ „Бову Королевича“.

Егорушка (читаетъ).

„Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибичъ Верзоуловичъ, нынѣ итти за него смѣлости не имѣю,

потому что когда я была во младости, то король Гвидонъ за меня сватался“.

Митя.

Что, Егорушка, наши дома?

Егорушка (*зажимаетъ пальцемъ то место, гдѣ читаетъ, чтобы не ошибиться*).

Никого нѣтъ; кататься уѣхали. Одинъ Гордѣй Карпычъ дома. (*Читаетъ:*) „На то сказала дщери своей Кирибить Верзоуловичъ...“ (*Зажимаетъ пальцемъ.*) Только такой сердитый, что бѣда! Я ужъ ушелъ — все ругается. (*Читаетъ:*) „Тогда прекрасная Милитриса Кирибитьевна, призвавъ къ себѣ слугу Личарду...“

Митя.

На кого же онъ сердить?

Егорушка (*опять зажимаетъ*).

На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздникъ дяденька Любимъ Карпычъ обѣдалъ у насъ, за обѣдомъ-то захмелѣлъ, да и началъ разныя колѣна выкидывать, да смѣшно таково. Я смѣшливъ, вѣдь, больно, не вытерпѣлъ, такъ и покатился со смѣху, а ужъ на меня глядя и всѣ. Дяденька Гордѣй-то Карпычъ принялъ это себѣ за обиду да за невѣжество, осерчалъ на него да и прогналъ. Дяденька-то Любимъ Карпычъ взялъ да въ отместку ему и съозарничалъ, пошелъ да съ нищими и сталъ у собора. Дяденька-то Гордѣй Карпычъ говорить: осрамилъ, говорить, на весь городъ. Да теперь и сердится на всѣхъ безъ разбору, кто подъ руку подвернется. (*Читаетъ:*) „Съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы подступилъ подъ нашъ градъ“.

Митя (*взглянувъ въ окно*).

Кажется, наши пріѣхали... Такъ и есть, Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣевна, да и гости съ ними.

Егорушка (*прячетъ сказку въ карманъ*).

Побѣжать на верхъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Митя (*одинъ*).

Эка тоска, Господи!... На улицѣ праздникъ, у всякаго

въ домѣ праздникъ, а ты сиди въ четырехъ стѣнахъ!... Всѣмъ-то я чужой, ни родныхъ, ни знакомыхъ!... А тутъ еще... Ахъ, да ну! сѣсть лучше за дѣло, авось тоска пройдетъ. (*Садится къ конторкѣ и задумывается, потомъ запѣваетъ:*)

„Красоты ея не можно описать!...

Черныя брови, съ поволокою глаза“.

Да, съ поволокою. А какъ вчера въ собольемъ солопѣ, покрывшись платочкомъ, идетъ отъ обѣдни, такъ это... ахъ!... Я такъ, думаю, и не привидано такой красоты! (*Задумывается, потомъ поетъ:*)

„Ужъ и гдѣ-жъ эта родилась красота...“

Какъ же, пойдетъ тутъ работа на умъ! Все бы я думалъ объ ней!... Душу-то всю истерзалъ, тосковавши. Ахъ, ты горе-гореваньице!... (*Закрываетъ лицо руками и сидитъ молча. Входитъ Пелагея Егоровна, одѣтая по-зимнему, и останавливается въ дверяхъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Митя, Митенька!

Митя.

Что вамъ угодно?

Пелагея Егоровна.

Зайди ужъ вечеромъ къ намъ, голубчикъ. Пониграете съ дѣвушками, пѣсенокъ почете.

Митя.

Премного благодаренъ. Первымъ долгомъ сочту-съ.

Пелагея Егоровна.

Что тебѣ въ конторѣ все сидѣть одному! Не велико веселье! Зайдешь, что ли? Гордѣя-то Карпыча дома не будетъ.

Митя.

Хорошо-съ, зайду безпремѣнно.

Пелагея Егоровна.

Уѣдетъ, вѣдь, опять... да, уѣдетъ туда, къ этому, къ своему-то... какъ его?...

Митя.

Къ Африкану Саввичу-съ?

Пелагея Егоровна.

Да, да! Вотъ навязался, прости Господи!

Митя (*подавая стул*).

Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Охъ, некогда. Ну, да ужъ присяду немножко. (*Садится.*)
Такъ вотъ поди-жь ты... этакая напасть! Право!... Подру-
жились, вѣдь, такъ, что нѣ поди. Да! Вотъ какое дѣло! А
зачѣмъ? Къ чему пристало? Скажи ты на милость! Человѣкъ-то
онъ буйный да пьяный, Африканъ-то Саввичъ... да!

Митя.

Можетъ, дѣла какія есть у Гордѣя Карпыча съ Африка-
номъ Саввичемъ.

Пелагея Петровна.

Какія дѣла! Никакихъ дѣловъ нѣтъ. Вѣдь, онъ-то, Афри-
канъ-то Саввичъ, съ агличиною все пьютъ. Тамъ у него
агличинъ на фабрикѣ дилекторъ — и пьютъ... да! А нашему-то
не слѣдъ съ ними. Да развѣ съ нимъ сговоришь! Гордость-то
его одна чего стоитъ! Мнѣ, говорить, здѣсь не съ кѣмъ
компанію водить, все, говорить, сволочь, все, видишь ты,
мужики, и живутъ-то по-мужицки; а тотъ-то, видишь ты,
московскій, больше все въ Москвѣ... и богатый. И чтѣ это
съ нимъ сдѣлалось? Да, вѣдь, вдругъ, любезненькій, вдругъ!
То, все-таки, разсудокъ имѣлъ. Ну, жили мы, конечно,
не роскошно, а все-таки такъ, что дай Богъ всякому; а
вотъ въ прошломъ году въ отъѣздъ ѣздила да переняла у
кого-то. Переняла, переняла, ужъ мнѣ сказывали... всѣ
эти штуки-то переняла. Теперь все ему наше русское не
мило; ладить одно — хочу жить по-нынѣшнему, модами за-
ниматься. Да, да!... Надѣнь, говорить, чепчикъ!... Вѣдь,
что выдумаетъ-то!... Прельщать, чтѣ ли, мнѣ кого на ста-
рости, говорю, разными прелести дѣлать! Тѣфу! Ну, вотъ
поди-жь ты съ нимъ! Да! Не пилъ, вѣдь, прежде... право...
никогда, а теперь съ этимъ Африканомъ пьютъ! Спьяну-то,
должно быть, у него (*показывая на голову*) и помутилось.
(*Молчаніе.*) Ужъ я такъ думаю, что это врагъ его сму-

щаетъ! Какъ-таки разсудку не имѣть!... Ну, еще кабы молоденькій: молоденькому это и нарядиться, и все это лестно; а то, вѣдь, подъ шестьдесятъ! Миленъкій, подъ шестьдесятъ! Право! Модное-то ваше да нынѣшнее, я говорю ему, каждый день мѣняется, а русскій-то нашъ обычай испоконъ вѣку живеть! Старики-то не глупѣй насъ были. Да развѣ съ нимъ сговоришь, при его же, голубчикъ, крутомъ-то характерѣ.

Митя.

Что говорить! Строгій человѣкъ-съ.

Пелагея Егоровна.

Любочка теперь въ настоящей порѣ, надобно ее пристроить, а онъ одно ладить: нѣтъ ей ровни.... нѣтъ да нѣтъ!... Анъ вотъ есть!... А у него все нѣтъ... А какъ же это материнскому-то сердцу!

Митя.

Можетъ быть, Гордѣй Карпычъ хотятъ въ Москвѣ выдать Любовь Гордѣевну.

Пелагея Егоровна.

Кто его знаетъ, что у него на умѣ. Смотрить звѣремъ, ни словечка не скажетъ, точно я и не мать.... да, право... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. (*Встаетъ.*) Заходи, Митенька.

Митя.

Приду-съ. (*Гуслинъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Гуслинъ.

Пелагея Егоровна.

Вотъ и еще молодецъ! Приходи, Яшенька, уже къ намъ наверхъ съ дѣвушками пѣсни попѣть, ты, вѣдь, мастеръ, да гитару захвати.

Гуслинъ.

Хорошо-съ, это намъ не въ трудъ, а еще, можно сказать, въ удовольствіе-съ.

Пелагея Егоровна.

Ну, прощайте! Пойти соснуть полчаса.

Гуслинъ и Митя.

Прощайте-съ! (*Пелагея Егоровна уходитъ; Митя садится къ столу, пригорюнившись; Гуслинъ садится на кровать и беретъ гитару.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Митя и Яша Гуслинъ.

Гуслинъ.

Что народу было на катаньи!.. И ваши были. Что-жь ты не былъ?

Митя.

Да что, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслинъ.

Что за тоска? Объ чемъ тебѣ тужить-то?

Митя.

Какъ же не тужить-то? Вдругъ въ голову взойдутъ такія мысли: что я такое за человѣкъ на свѣтѣ есть? Теперь родительница у меня въ старости и бѣдности находится, ее долженъ содержать, а чѣмъ? Жалованье маленькое, отъ Гордѣя Карпыча все обида да брань, да все бѣдностью попрекаетъ, точно я виноватъ... а жалованья не прибавляетъ. Поискалъ бы другого мѣста, да гдѣ его найдешь безъ знакомства-то. Да, признаться сказать, я къ другому-то мѣсту и не пойду.

Гуслинъ.

Отчего же не пойдешь? Вотъ у Разлюляевыхъ жить хорошо—люди богатые и добрые.

Митя.

Нѣтъ, Яша, не рука! Ужъ буду все терпѣть отъ Гордѣя Карпыча, бѣдствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслинъ.

Отчего же такъ?

Митя (*встаетъ*).

Такъ, ужъ есть тому дѣлу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знаетъ. Никому я про свое горе не сказывалъ.

Гуслинъ.

Скажи мнѣ.

Митя (*махнувъ рукою*).

Зачѣмъ?

Гуслинъ.

Да скажи, что за важность!

Митя.

Говори не говори, вѣдь, не можешь!

Гуслинъ.

А почему знать!

Митя (*подходитъ къ Гуслину*).

Никто мнѣ не поможетъ. Пропала моя голова! Полюбилась мнѣ больно Любовь Гордѣевна.

Гуслинъ.

Что ты, Митя?! Да какъ же это?

Митя.

Да вотъ какъ ни какъ, а ужъ сдѣлалось.

Гуслинъ.

Лучше, Митя, изъ головы выкинь. Этому дѣлу никогда не бывать, да и не раживаться.

Митя.

Знавши я все это, не могу своего сердца сообразить. „Любить друга можно, нельзя позабыть!...“ (*Говоритъ съ сильными жестами.*) „Полюбилъ я красну дѣвицу пуще роду, пуще племени!... Злые люди не велятъ, велятъ бросить, перестать!“

Гуслинъ.

Да и то надоть бросить. Вотъ Анна Ивановна мнѣ и ровня: у ней пусто, у меня ничего, да и то дяденька не велитъ жениться. А тебѣ и думать нечего. А то заберешь въ голову, потомъ еще тяжелѣе будетъ.

Митя (*декламируетъ*).

„Что на свѣтѣ прѣжестого?—

Прѣжестого есть любовь!“

(*Ходитъ по комнатѣ.*) Яша, читаль ты Кольцова? (*Остнавливается.*)

Гуслинъ.

Читаль, а что?

Митя.

Какъ онъ описывалъ всѣ эти чувства!

Гуслинъ.

Въ точности описывалъ.

Митя.

Ужъ именно, что въ точности. *(Ходитъ по комнатъ.)* Яша!

Гуслинъ.

Что?

Митя.

Я самъ пѣсню сочинилъ.

Гуслинъ.

Ты?

Митя.

Да.

Гуслинъ.

Давай голосъ подберемъ, да и будемъ пѣть.

Митя.

Хорошо. На, вотъ. *(Отдаетъ ему бумагу).* А я напишу немного—дѣло есть: неравно Гордѣй Карпычъ спроситъ. *(Садится и пишетъ. Гуслинъ беретъ гитару и начинаетъ подбирать голосъ; Разлюляевъ входитъ съ гармоникой.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Гѣ же и Разлюляевъ.

Разлюляевъ.

Здравствуйте, братцы! *(Намрываетъ на гармонию и приплясываетъ.)*

Гуслинъ.

Эко, дуракъ! На что это ты гармонию-то купилъ?

Разлюляевъ.

Извѣстно на что—играть. Вотъ такъ... *(Играетъ.)*

Гуслинъ.

Ну ужъ, важная музыка... нечего сказать! Брось, говорить тебѣ.

Разлюляевъ.

Что-жъ, не брошу развѣ!... Коли захочу, такъ и брошу... Вотъ важность! Денегъ, что ли, у насъ нѣтъ? *(Бьетъ себя)*

по карману.) Звенять! У насъ гулять—такъ гулять! (Бросаетъ гармонику.)

„Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко“.

Митя (ударяетъ Митю по плечу), а Митя! Чтò ты сидишь?

Митя.

Дѣло есть. (Продолжаетъ заниматься.)

Разлюляевъ.

Митя, а Митя, а я гуляю, братъ... право слово, гуляю. Ухъ, ходи! (Поетъ: „Одна гора высока“ и проч.)... Митя, а Митя! весь праздникъ буду гулять, а тамъ за дѣло... Право слово! Чтò-жъ, у насъ денегъ, что ли, нѣтъ? Вотъ онѣ!... А я не пьянъ... Нѣтъ, такъ гуляю... весело...

Митя.

Ну, гуляй на здоровье.

Разлюляевъ.

А послѣ праздника женюсь!... Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслинъ.

Ну, вотъ слушай-ка, такъ-то ладно-ль будетъ?

Разлюляевъ.

Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслинъ (поетъ).

„Нѣтъ-то злѣй, постылѣе
Злой сиротской доли,
Злѣе горя лютаго,
Тяжелѣй неволи!
Всѣмъ на свѣтѣ праздничекъ,
Тебѣ не веселье!...
Буйной ли головушкѣ
Безъ вина похмелье!
Молодость не радуется,
Красота не тѣшитъ;
Не зазноба-дѣвушка—
Горе кудри чесеть“.

(Во все это время Разлюляевъ стоитъ, какъ окопанный, и слушаетъ съ чувствомъ; по окончаніи пѣнія всѣ молчатъ.)

Разлюляевъ.

Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Такъ за сердце и хватаетъ. (Вздыхаетъ.) Эхъ, Яша! сыграй веселую, полную канитель-то эту тянуть—нынче праздникъ. (Поетъ.)

„Ухъ! Какъ гусара не любить!

Это не годится!“

Подыгрывай, Яша. (Гуслинъ подыгрываетъ.)

Митя.

Полно вамъ дурачиться-то. Давайте-ка, лучше сядемъ въ кучку да полегоньку пѣсенку споемъ.

Разлюляевъ.

Ладно. (Садятся.)

Гуслинъ (запѣваетъ; Митя и Разлюляевъ подтягиваютъ).

„Размолочки вы молоденькіе,

Вы дружки мои...“

(Входитъ Гордый Карпычъ; всѣ встаютъ и перестаютъ пѣть.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ же и Гордый Карпычъ.

Гордый Карпычъ.

Что распѣлись! Горланятъ, точно мужичье! (Митя.) И ты туда-жъ! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Что за полпивная! Чтобъ у меня этого не было впередь! (Подходитъ къ столу и рассматриваетъ бумаги.) Что бумаги-то разбросалъ!..

Митя.

Это я счета провѣрялъ-съ.

Гордый Карпычъ (беретъ книгу Кольцова и тетрадь со стихами).

А это еще что за глупости?

Митя.

Это я отъ скуки, по праздникамъ-съ, стихотворенія господина Кольцова переписываю.

Гордѣй Карпычъ.

Какія нѣжности при нашей бѣдности!

Митя.

Собственно для образованія своего занимаюсь, чтобъ имѣть понятіе.

Гордѣй Карпычъ.

Образованіе! Знаешь ли ты, что такое образованіе?... А еще туда же разговариваетъ! Ты бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ! Вѣдь, къ намъ на верхъ ходишь, гости бываютъ... срамъ! Куда деньги-то дѣваешь?

Митя.

Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей негдѣ взять.

Гордѣй Карпычъ.

Матери посылаешь! Ты себя-то бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана; чай, сама хлѣвы затворяла.

Митя.

Ужъ пуцай же лучше я буду терпѣть, да маменька, по крайности, ни въ чемъ не нуждается.

Гордѣй Карпычъ.

Да, вѣдь, безобразно! Ужъ коли не умѣешь надъ собою приличія наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ; коли голь кругомъ, такъ нечего о себѣ мечтать! Стихи пишетъ, образовывать себя хочетъ, а самъ какъ фабричный ходитъ! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурацкія пѣсни пѣть? То-то глупо-то! (*Сквозь зубы и косясь на Митю.*) Дуракъ! (*Помолчавъ.*) Ты и не смѣй показываться въ этомъ сертучишкѣ на верхъ. Слышишь, я тебѣ говорю! (*Къ Разлюляеву.*) А ты тоже! Отецъ-то, чай, деньги лопатой загребаетъ, а тебя въ этакое зипунишкѣ водить.

Разлюляевъ.

Что-жъ такое! Онъ новый... сукно-то французское, изъ Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублевъ аршинъ. Что-жъ, нешто мнѣ этакую штуку надѣть, какъ у Франца Оедорыча, у аптекаря... кургузую; такъ его вонъ и дразнятъ всѣ: страмъ-пальто! Такъ что-жъ хорошаго людей смѣшить!